

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ 1930-Х ГОДОВ (Ю. ТЫНЯНОВ «ВОСКОВАЯ
ПЕРСОНА» И ГО МОЖО «СМЕРТЬ ЦИНЬ ШИХУАНА»)

Выпускная квалификационная работа по направлению
Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)

Направленность программы магистратуры
«Русский язык. Литература»
Форма обучения: очная

Проверка на объем заимствований:

86,52 % авторского текста

Работа рекомендована к защите
рекомендована/не рекомендована

«19» 06 2026 г.

зав. кафедрой русского языка и литературы

Глухих Н.В.

Выполнила:

студентка группы: ОФ-224-291-2-1

Ли Сици

Научный руководитель:

доктор филол. наук, профессор

Сейбель Наталия Эдуардовна

Челябинск
2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ЖАНР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	9
1.1 Становление исторической повести в китайской литературе	9
1.2 Историческая повесть в истории русской литературы.....	18
ГЛАВА II. ТИПОЛОГИЯ ПОВЕСТЕЙ «ВОСКОВАЯ ПЕРСОНА» Ю. ТЫНЯНОВА И «СМЕРТЬ ЦИНЬ ШИХУАНА» ГО МОЖО.....	25
2.1 Повесть «Смерть Цинь Шихуана» в творчестве Го Можо	25
2.2. Повесть «Восковая персона» в контексте творческой биографии Ю. Тынянова	31
2.3. Сюжет смерти тирана у Ю. Тынянова и Го Можо	35
2.4. Смерть как индикатор истины: приспособленцы на службе тирана.	42
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	49
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	53

ВВЕДЕНИЕ

Первая треть XX века стала эпохой беспрецедентных перемен в истории и культуре Китая и России. Обе страны переживали глубокие социальные потрясения, революционные перевороты и интенсивный поиск новых путей литературного развития. В этом драматическом контексте особое место занимают творчества двух выдающихся литераторов – китайского поэта, драматурга и мыслителя Го Можо (1892–1978) и русского теоретика литературы, прозаика и представителя русского формализма Юрия Тынянова (1894–1943).

Оба они стали свидетелями и участниками революционных процессов в своих странах, оба активно искали новые художественные формы, отвечающие вызовам времени, и оба глубоко интересовались проблемой взаимодействия литературы и истории. Го Можо, являющийся одним из основателей современной китайской литературы, был не только ярким представителем китайского романтизма, но и активным революционером, чье творчество отразило все этапы развития Китая от династии Цин до Народной Республики Китай. Его поэзия, драматические работы и исторические исследования являются уникальным синтезом китайской традиции, западных влияний и марксистской идеологии. Юрий Тынянов, в свою очередь, был ключевой фигурой русского формализма. Его прозаическое творчество, особенно исторические романы, представляет собой блестящий эксперимент по синтезу строгого научного анализа и художественного творчества. Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, существует значительный научный пробел в сравнительном литературоведении, касающемся взаимосвязи китайской и русской литературы XX века. Редко проводятся комплексные исследования, сопоставляющие творчество выдающихся представителей этих двух литературных процессов, особенно в контексте их отношения к истории и

революции. Во-вторых, оба автора – Го Можо и Тынянов – были глубоко увлечены историей, но понимали ее и изображали по-разному. Таким образом, данное исследование направлено на заполнение существующего научного пробела, предложив комплексный сравнительный анализ творчества Го Можо и Юрия Тынянова, основанный на параллели их эстетических взглядов, подходов к исторической тематике и роли в литературных процессах своих стран.

Обзор существующей литературы показывает, что исследования творчества Го Можо и Юрия Тынянова ведутся как в китайской, так и в российской академической среде, однако исследований, напрямую сравнивающих этих двух авторов, практически нет. Для структурированного представления текущего состояния исследований мы разделяем существующую литературу на три категории: монографии и статьи о Го Можо, исследования о Юрии Тынянове и работы по этой теме, посвященные общим проблемам китайской и русской литературы XX веков.

Исследования творчества Го Можо имеют долгую традицию, представляют собой сложный и многогранный процесс, отражающий изменения в социальной, политической и культурной жизни Китая.

Основную часть этой области составляют китаеведение, которое можно разделить на несколько этапов.

Первый этап (1920-е–1940-е годы) был преимущественно критическим, оценивая творчество Го Можо главным образом с точки зрения его роли в современной китайской литературе. Центральной фигурой этого периода был Лу Синь, который высоко ценил революционную страсть в поэзии Го Можо, но также критиковал её эклектичный романтизм.

Второй этап (1950-е–1970-е годы) был строго идеологическим. Такие исследования, как монография Чжао Шили «Го Можо — революционный

поэт» (1959), основывались на предпосылке почитания его как «поэта партии» и мыслителя коммунистического движения. В этот период исследования были сосредоточены на его поздних драмах и политической деятельности, в то время как его ранние работы часто оставались без внимания.

На третьем этапе (с 1980-х годов по настоящее время) произошло разнообразие методов исследования. Исследователи получили возможность проводить более объективный анализ, сосредоточившись на противоречиях в произведениях автора, его периоде обучения в Японии, влиянии западной философии (Ницше, Маркс) и его сложных отношениях с традиционной китайской культурой. Ключевые современные исследования включают монографию Ли Вэя «Го Можо и западная культура» (2005) и статью Ван Фу «Исторические романы Го Можо и проблема национальной идентичности» (2018).

Исследований, посвященных России и Западу, относительно меньше, но они имеют значительную справочную ценность. В советскую эпоху Го Можо рассматривался прежде всего как революционный активист и друг Советского Союза. Ключевые исследования включают монографию А. Петрова «Го Можо и его эпоха» (1965) и аннотированные переводы пьес Леонида Пожаринской «Цюй Юань» и «Цай Вэньцзи» (1972). В постсоветскую эпоху внимание к Го Можо несколько снизилось, но появились исследования, посвященные его влиянию на китайско-российское литературное взаимодействие.

Однако распространенной проблемой существующих исследований является отсутствие анализа его текстов с использованием современных теоретических подходов (включая формализм). Большинство исследований сосредоточены на идеологическом и биографическом контексте, уделяя недостаточно внимания формальным аспектам его поэзии и драматургии.

История исследований творчества Юрия Тынянова тесно связана с переоценкой русского формализма.

Советский период (1930-е – 1980-е годы) был относительно забытым. Тынянова критиковали как представителя «формалистской школы», а его теоретические работы были запрещены к публикации. Исключением стали его исторические романы («Чухлома», «Пушкин»), которые, хотя и были опубликованы, анализировались в основном с точки зрения исторической достоверности, а не художественной формы.

Постсоветский период (с 1990-х годов по настоящее время) ознаменовался подлинным возрождением исследований. Открытие архивов и публикация ранее неопубликованных работ стимулировали появление большого количества монографий и статей. К числу ведущих российских исследователей относятся: С. Шварцбад («Юрий Тынянов: жизнь и творчество», 2001), И. Касирский («Формализм и историзм: Тынянов и проблема времени», 2010) и О. Корнева («Исторические романы Юрия Тынянова», 2016).

Данное исследование посвящено литературному творчеству Го Можо и Юрия Тынянова. В сферу исследования входят теоретические работы и статьи, отражающие эстетические взгляды двух авторов (особенно по литературно-историческим вопросам), а также их поэтическое творчество, отражающее революционную страсть и стремление к формальным экспериментам.

Данное исследование посвящено эстетическим концепциям и художественным практикам Го Можо и Юрия Тынянова в интерпретации истории и революции в литературе.

Конкретные направления анализа включают:

1. Различное понимание Го Можо и Тыняновым концепции «историцизма» в литературе.

2. Методы, используемые двумя авторами для изображения исторических личностей и событий в их литературных текстах.

3. Взаимосвязь политической идеологии и художественной формы в их произведениях.

4. Характеристики литературной эволюции и процесса адаптации к новой социально-политической среде.

Цель данного исследования — провести всесторонний сравнительный анализ повестей «Восковая персона» Ю. Тынянова с «Смерть Цинь Шихуана» Го Можо, стремясь выявить их сходства и различия в подходах к историческим темам и реакции на революционный контекст, а также оценить ценность их наследия для диалога между китайской и русской литературой.

Для достижения вышеуказанных целей необходимо выполнить следующие задачи:

1. Проанализировать историко-биографический контекст, уточнить основные этапы жизни и творчества Го Можо и Тынянова, а также их отношение к революционным событиям в Китае и России. Определить место их произведений в становлении жанра исторической повести.

2. Провести сравнительный анализ литературных текстов на исторические темы: проанализировать методы «конструирования прошлого» и интерпретации исторических фигур.

3. Оценить положение Го Можо и Тынянова в литературном развитии Китая и России, а также перспективы исследования их творчества с точки зрения сравнительного литературоведения.

Методологической основой данного исследования является историцизм и принцип синтеза. Для достижения целей исследования и выполнения исследовательских задач будут использованы следующие методы:

1. Сравнительное исследование: это основной метод данного исследования, используемый для выявления сходств и различий в произведениях двух авторов, принадлежащих к разным культурным традициям.

2. Текстовый анализ: он включает как формальный анализ (заимствуя методы Тенджанова) для изучения структуры, стиля и языка текстов, так и герменевтический анализ для интерпретации их более глубокого смысла.

3. Историко-литературный подход: он помогает рассматривать произведения авторов в контексте их национальных литературных традиций.

4. Идеологический анализ: он имеет решающее значение для понимания влияния политических идеологий (марксизма, национализма) на эстетические взгляды и литературное творчество Го Можо и Тынянова.

5. Контекстуальный анализ, который позволяет изучать тексты в широком историческом и культурном контексте Китая и России в период революции.

Структура работы определена её целью и задачами. Работа состоит из введения, двух глав и заключения. Библиографический список включает 34 наименований.

ГЛАВА I. ЖАНР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Становление исторической повести в китайской литературе

Историческое повествование занимает важное место в китайской литературе, являясь важным носителем китайского культурного наследия, фиксирующим ход развития и духовное ядро китайской нации. После тысячелетнего развития и эволюции исторические нарративы обогатились и созрели, сформировав уникальную систему. «Го Можо использовал исторический сюжет для выражения национального самосознания и социальной критики, обращаясь к событиям и персонам древней истории как к аллегориям современной ему эпохи. Его исторические повести стали формой выражения гражданской позиции, обличения несправедливости и утверждения национального достоинства в период обострения социальных конфликтов и угроз национальной независимости.» [22, с. 94].

Будучи самым ранним сборником исторических документов в Китае, «Шу-цзина» известен как источник китайских исторических повествований. В нем содержатся приказы, клятвы и записи бесед императоров древнего периода, охватывающие многие области, такие как политика, религия и военное дело, и отражающие политические концепции, моральные нормы и общественный строй раннего Китая. Например, в «Яо Дянь» : «日若稽古帝尧，曰放勋，钦、明、文、思、安安。允恭克让。光被四表，格于上下。克明俊德，以亲九族；九族既睦，平章百姓；百姓昭明，协和万邦；黎民于变时雍。」（«Императора Яо Дэ зовут Фан Сюнь. Он был серьезен и почителен, различал добро и зло, умел управлять миром, был щедр и мягок, честен и совестлив, умел уступать место добродетельным, и свет его сиял во всех местах, как на небе, так и на земле. Он умел различать талантливых и добродетельных

людей и сделал людей своего клана близкими и сплоченными. После того как его народ стал близким и единым, он смог координировать отношения между народами, выявляя и награждая чиновников добрыми делами, и люди также стали дружными и едиными.» [41, с. 15], как император Яо выбирал мудрых и способных и составлял календарь, демонстрируя политическую мудрость древнего периода; в «Югуне»: «曰若稽古，大禹曰文命，敷于四海，祇承于帝。曰：“后克艰厥后，臣克艰厥臣，政乃乂，黎民敏德。”» («Имя Си – Вэнь Мин, также известен как Ю, Ся Ю, Ронг Ю. Цзю Цзи, сын Ю, сменил отца в борьбе с наводнениями и вычерпывании реки, и преуспевал в очистке воды в течение 13 лет.») [42, с. 65], как Дайюй правил водой и как были разделены девять государств, и это важный источник для изучения древней географии и политических систем. Благодаря своему документальному языку и прототипу хроники, «Югун» стал пионером в записи китайской истории и заложил основу для исторических повествований последующих поколений.

Книга «Шицзи», написанная Сыма Цяня из династии Западная Хань, является памятником в развитии китайского исторического повествования. Она нарушает единый хронологический или страноведческий стиль предыдущих книг по истории и создает первый стиль «хронологической истории», всесторонне описывая историю более чем 3 000 лет от эпохи Желтого императора до периода правления императора У династии Хань. Придерживаясь творческой концепции :究天人之际，通古今之变，成一家之言 («изучить взаимосвязь между природными явлениями и человеческим обществом, связать изменения прошлого и настоящего и стать единым высказыванием.»), Сыма Цяня соединил исторические факты с личными чувствами и оценочными суждениями, сочетая строгость историографии с заразной силой литературы. Появление «Записей Великого историка» добавило литературу и артистизм в историческое повествование на основе подлинности.

«Книга Хань», написанная Бань Гу из династии Восточная Хань, стала первой хронологической историей Китая. Книга Хань посвящена истории династии Западная Хань. По форме изложения «Книга Хань» наследует биографическую форму «Шицзи», но уделяет больше внимания детализации и систематизации исторических материалов, а также дает всесторонний и подробный отчет о политике, экономике, культуре и дипломатии династии Западная Хань. Например, «Продовольствие и товары»: «民者，在上所以牧之，趋利如水走下，四方亡择也。夫珠玉金银，饥不可食，寒不可衣，然而众贵之者，以上用之故也。」 («Уровень жизни людей зависит от того, как монарх ими управляет, и они преследуют свои интересы, как вода течет в нижние части земли, будь то восток или запад, юг или север. Такие предметы, как драгоценности, золото и серебро, нельзя съесть впрок, когда голоден, или надеть как одежду, когда холодно, но народ считает их ценными, потому что монарх их использует.») [37, 食货志上], подробно описывает экономическую систему и общественное производство династии Западная Хань, а «Искусство и культура» - самый ранний каталог книг в Китае, отражающий научное и культурное развитие того времени.

Роман «Троецарствию», написанный Ло Гуаньчжуном в конце правления династии Юань и начале правления династии Мин, стал родоначальником уникальной формы исторического повествования в исторических романах. В романе за основу взята история от конца правления династии Восточная Хань до эпохи Троецарствия, и на основе соблюдения основных исторических фактов в него включено большое количество народных легенд и художественных вымыслов, а через замечательные сюжеты и яркие образы персонажей показана смена времен. «于桃园中，备下乌牛白马祭礼等项，三人焚香再拜而说誓曰：“念刘备、关羽、张飞，虽然异姓，既结为兄弟，则同心协力，救困扶危；上报国家，下安黎庶。不求同年同月同日生，只愿同年同月同日死。皇天后土，实鉴

此心，背义忘恩，天人共戮！”誓毕，拜玄德为兄，关羽次之，张飞为弟。

» («В персиковом саду, приготовив черного быка, белого коня и всевозможные жертвоприношения и другие предметы, три человека зажгли благовония, дважды поклонились, а затем дали обет, сказав: «Считайте, что мы Лю Бэй, Гуань Юй, Чжан Фэй, хотя фамилии разные, с момента поклонения стали братьями, должны вместе помогать людям в беде и опасности; до самого верха служить стране, а до самого низа делать жизнь людей безопасной. Мы не просим родиться в один и тот же день в один и тот же год и месяц, мы лишь надеемся умереть в один и тот же день в один и тот же год и месяц. О император Неба и Толстая Земля, пожалуйста, убедитесь в нашей искренности; если кто-то нарушит мораль и забудет о своей доброте, Небо и весь мир вместе накажут его!» Приняв клятву, все поклонились Лю Бэю как старшему брату, Гуань Юю – как второму по рангу, а Чжан Фэю – как младшему.» [44, 第一回]. Классические эпизоды книги, такие как «Узы в персиковом саду», «Три стражника» и «Битва у Красной скалы», известны всем, а характеры Цао Цао, Лю Бэя и Чжугэ Ляна глубоко укоренились в сердцах людей. Роман «Троецарствию» – это искусное сочетание исторического повествования и литературного творчества, привлекающее читателей своим популярным языком и драматическими сюжетами, способствующее превращению исторических повествований из исторических книг в популярную литературу и оказывающее далеко идущее влияние на литературу, оперу, кино и телевидение в Китае и соседних странах. «Китайская историческая проза сохраняет связь с биографическим жанром «Ши цзи» и «Хань шу», воспроизводя традиции древнекитайской историографии, принципы характеристики исторических деятелей и сюжетное построение на основе подлинных исторических фактов.» [26, с. 67].

Вступив в современную эпоху, китайские исторические тексты (от романа до повести и рассказа) продолжают обновляться и развиваться на

основе унаследованных традиций, представляя собой параллельную и разнообразную ситуацию академических исследований и литературного творчества. «Обе литературы использовали историческую повесть для осмысления кризиса и поиска национальной идентичности. В российской литературе это проявилось в обращении к эпохам национального подвига, к персонажам, олицетворяющим духовные ценности народа, в то время как в китайской литературе историческая повесть стала средством отражения насилия внешней агрессии, внутренней нестабильности и поиска путей к национальному освобождению.» [27, с. 118].

Современные ученые используют междисциплинарные теории и методы исследования, такие как история, археология и социология, для глубокой интерпретации и изучения исторических текстов. Например, Чэнь Инчэн предложил метод исследования :以诗证史 («доказательство истории через древние стихи»), добывая политическую, социальную и культурную информацию о династии Тан через аллюзии и образы в стихах Тан, а его работа «Записки и свидетельства о поэзии Юаньбаю» использовала стихи в качестве отправной точки для анализа истории эпохи, в которой жили Юань Чжэнь и Бай Цзюйи, что открыло новый взгляд на исторические повествования. «自来文人作品，其最能为他人所欣赏，最能于世间流播者，未必即是其本身所最得意，最自负自夸者。若夫乐天之《长恨歌》，则据其自述之语，实系自许以为压卷之杰构，而亦为当时之人所极欣赏，且流播最广之作品。」 («С древних времен произведения литераторов, наиболее ценимые другими людьми и наиболее распространенные в мире, не обязательно являются теми, которыми больше всего гордятся сами авторы, которыми больше всего гордятся и хвалятся они сами. Что касается «Песни вечной ненависти» Бай Цзюйи, то, по его собственным словам, он действительно считал ее выдающимся произведением, которое можно считать финалом свитка, а также произведением, которое высоко ценили люди того времени, а также произведением, которое получило наибольшее

распространение.» [38, 第一章]. Фуснян выступал за то, что 史学即史料学 («историография – это исторические данные»), подчеркивая восстановление исторической правды путем систематического сопоставления и проверки оригинальных исторических материалов, а его работа по сопоставлению архивов династий Мин и Цин обеспечила прочную историческую основу для повествования об истории династий Мин и Цин.

Романы Февра Риверы «Императорская серия», такие как «Император Канси», «Император Юнчжэн» и «Император Цяньлун», являются классикой современной исторической беллетристики. Основываясь на огромном количестве исторических сведений, в сочетании с фольклором и художественным воображением, автор ярко представляет коварную придворную политику, социальные изменения и культурный ландшафт эпох Канси, Юнчжэн и Цяньлун. В романе показаны исторические события: умиротворение Канси трех феодалов и восстановление Тайваня, а также осуществление Юнчжэном Нового курса. В романе также упоминается метод управления страной, применяемый императором: «已收复了的失地，得赶紧派能员安抚，这不是玩的一—大兵过境之后，往往抢得寸草不生，老百姓饿急了恐生变故。没有地方官，任着军队搜刮，断乎不可。」 («Вернув потерянные земли, нужно спешить отправить способных умиротворить, это не игра, большая армия, пройдя через, часто грабит дюймовую траву, люди голодные и встревоженные будут изменены. Нет местных чиновников, чтобы управлять, пусть армия набег, никогда.») [39, 第三卷 玉宇呈祥 十五]. В этих материалах глубоко анализируется логика функционирования власти феодальной династии и сложный внутренний мир персонажей, в высокой степени объединяющий историческую правду с литературным влиянием. Книга «Цзэн Гофань» Тан Хао Мина, напротив, написана в форме биографического романа. На основе оригинальных документов, таких как семейные письма и папки, в

ней представлен противоречивый образ Цзэн Гофана, важного чиновника конца династии Цин, под влиянием традиционного конфуцианства и перемен времени, «就在曾麟书坐在太师椅上，独自一人默默思虑的时候，一个三十出头的男子，身着重孝，轻手轻脚地走了进来。」 («В тот момент, когда Цзэн Линшу сидел на стуле евнуха наедине со своими тихими мыслями, в комнату осторожно вошел мужчина лет тридцати, одетый в траурные одежды.») [48, с. 1]. Это полностью отражает акцент Цзэн Гофана на любви к семье и соблюдении традиционного сыновнего благочестия, что заставляет читателей глубоко задуматься о традиционной культуре и процессе модернизации.

Книга Лю Цзяо «Путешествие старого инвалида» была написана около 1903 г. Являясь длинным романом с характерными чертами исторического повествования, «Путешествие старого инвалида» ярко изображает картину китайского общества конца династии Цин, взяв за основу путешествие старого инвалида, врача из цзяньху. В книге главный герой Лао Ди путешествует по Шаньдуну и другим местам, наблюдает за страданиями людей во время разлива Желтой реки и разоблачает скандальную коррупцию чиновников. Книга представляет собой не только личный травелог, но и правдивое отражение истории позднецинского общества, в мельчайших деталях описывая кризис и дилеммы эпохи, а также стала важным литературным и историческим материалом для изучения позднецинского общества.

Действие романа «Цзыной» происходит в Шанхае в начале 1930-х годов, в нем показаны конфликты и борьба между капиталистом национальной промышленности У Сунфу и финансовым капиталистом Чжао Ботао, купленным и оплаченным, показаны классовые противоречия в китайском обществе того времени, тяжелое положение национальной промышленности под двойным гнетом империализма и феодализма, отражены глубокие изменения китайского общества в условиях большой

эпохи. Китай 1930-х годов находился в полуколониальном и полуфеодальном обществе. С одной стороны, национальная промышленность вела тяжелую борьбу под двойным гнетом империализма и феодализма; с другой стороны, буржуазия быстро расширялась на фоне империалистической власти, сельская экономика находилась на грани банкротства из-за феодальной эксплуатации, голода и войны, и социальные противоречия становились все более острыми. В этих условиях Мао Дунь создал «Цзыюй», стремясь показать всю картину китайского общества того времени и исследовать вопрос о путях выхода из него через изображение судьбы У Сунфу, национального промышленного капиталиста.

В первой половине XX века Китай переживал период внутренних и внешних бед и социальных потрясений. Вторжение империализма, правление феодальных военачальников и жестокая эксплуатация класса помещиков привели к тому, что население жило в тяжелейших условиях. На этом историческом фоне Лян Бинь написал свой роман «Спектр красного флага». Используя в качестве жанра историческое повествование, произведение берет в качестве основной линии конфликт и борьбу между тремя поколениями крестьян из семей Чжу и Янь и двумя поколениями помещиков, отцом и сыном Фэн Лаолань, и ярко изображает социальный ландшафт равнин. От стихийного сопротивления крестьян до крестьянского движения молодого поколения под руководством коммунистической партии, глубоко показаны запутанные классовые отношения северного китайского общества. Основанный на реальных исторических событиях и перемежающийся историческими сценами, такими как энергичный подъем крестьянского движения, роман не только представляет страдания и борьбу простых людей в потоке истории, но и отражает исторический процесс крестьянского класса под руководством Коммунистической партии Китая от пробуждения до борьбы, делая его великолепной эпопеей, фиксирующей изменения времени и отображающей

борьбу народа. «Историческая повесть в Китае 1930-х годов выполняла функцию патриотического и идеологического воспитания, отражая настроения общества, связанные с борьбой за национальное освобождение и суверенитет.» [16, с. 35].

Хотя действие «Живой» Юй Хуа происходит на фоне современной истории, в нем используется нетрадиционная техника исторического повествования. «苦根是吃豆子撑死的，这孩子不是嘴馋，是我家太穷，村里谁家的孩子都过得比苦根好，就是豆子，苦根也是难得能吃上。」 («Горький корень – это съесть бобы до смерти, этот ребенок не жадный, моя семья слишком бедна, в деревне, где дети лучше, чем горький корень, есть бобы, горький корень тоже редко едят.») [50, с. 182]. Смерть внука Фугуя в романе усугубляет страдания главного героя. Роман использует личные испытания Фугуй, чтобы связать воедино такие крупные исторические события, как Гражданская война, Великий скачок вперед и Культурная революция, отказываясь от грандиозных повествований и сосредотачиваясь на судьбе маленьких людей в потоке истории, а также деконструируя авторитетный исторический дискурс с помощью индивидуальных воспоминаний. В «Наложницах и женах» Су Туна (адаптированном в фильм «Большие красные фонари висят высоко»), с другой стороны, через женскую точку зрения Сонглиан демонстрируется разложение и подавление феодальной семейной системы в разгар исторических перемен. Тесное сочетание исторического повествования и исследования человеческой природы отражает диверсию и новаторство нового историзма в отношении традиционного исторического повествования.

Взаимодействуя между учеными и авторами, а также смешивая различные средства массовой информации, современная историческая литература постоянно преодолевает традиционные границы, сохраняя благоговение перед исторической правдой и одновременно отвечая на

потребности времени с помощью инновационных методов повествования, чтобы исторические повествования обновились с новой силой в новую эпоху и продолжали предоставлять людям многомерные перспективы для понимания истории и наблюдения за реальностью. «Историческая повесть в Китае 1930-х годов выполняла функцию идеологического и патриотического воспитания, формируя у читателей понимание исторической справедливости, национального самосознания и необходимости борьбы за социальное освобождение.» [11, с. 37].

1.2 Историческая повесть в истории русской литературы

Как древнейший летописный памятник на Руси, «Повесть временных лет» фиксирует историю русского народа от его зарождения до XII века, отражая социальные условия и культурные особенности того времени. «Владимир же еще прежде них отправил послов к царю с такими словами: Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни одного.» [17, с. 25]. Вмешательство этого иностранного правителя изменило местную социальную структуру и политический ландшафт. Правление варягов принесло новые политические системы и методы управления, но также могло вызвать некоторые социальные противоречия и культурные конфликты. Вмешательство этого иностранного правления стало важным поворотным моментом в русской истории, ознаменовав переход Руси от племенного союза к феодальному государству.

«Повесть» представляет исторические события в форме хроники, простым и понятным языком, и имеет высокую историческую ценность. В то же время национальное сознание и культурные концепции, заложенные

в ее повествовании, заложили основу для создания русских исторических рассказов в последующих поколениях.

В начале XIX века постепенно зарождается русская историческая наука. «История государства Российского» Николая Михайловича Карамзина является важным трудом этого периода, отражающим переосмысление и осмысление русским обществом своей собственной истории.

В этом произведении русская история представлена в системно-повествовательном ключе, с упором на причинно-следственные связи и логику исторических событий. При этом автор использует в повествовании яркий язык и образные описания, что придает историческому повествованию определенную литературность. Например, «Владимир усыновил Святополка, однако ж не любил его и, кажется, предвидел в нем будущего злодея.» [13, с. 196]. Это предложение не только раскрывает мудрость и понимание человеческой природы Владимира Великого, но и предвещает будущие зверства Святополка и смуту внутри России. Оно отражает жестокость борьбы за власть и сложность человеческой природы, а также показывает глубокий анализ исторических событий и литературную выразительность Карамзина.

В первой половине XIX века в России зарождается романтическая мысль. Будучи представителем романтической литературы, Пушкин соединил романтический дух с исторической тематикой и создал ряд исторических произведений с неповторимым стилем, таких как «Капитанская дочка» и «Медный всадник».

Пушкин использовал в своих исторических произведениях разнообразные повествовательные приемы, такие как многоперспективное повествование и психологическое описание, чтобы показать сложные личности и эмоции персонажей в исторических событиях. «Он был несчастлив, и в душе его томила тоска по чему-то непонятному, неясному,

но мучительному и неотвратимому.» [24, с. 178]. Это предложение является ярким описанием психологического состояния Онегина, отражающим его неудовлетворенность жизнью и неуверенность в будущем. В этом отрывке описывается внутренний мир главного героя. Темы его произведений в основном вращаются вокруг конфликта и интеграции личной судьбы и исторической судьбы, отражая романтическое стремление к свободе, индивидуальности и человечности.

Ладжечников – важный автор русских исторических романов XIX века. Его основные работы включают в себя: «Последний Новгородец», «Басурман», «Вадим Новгородский». Его произведения основаны на истории и включают в себя сюжеты, такие как приключения и любовь, которые легко читаются и развлекают. Его произведения отражают разнообразные потребности русского общества в исторических темах того времени.

А. К. Толстого – важная фигура в русской литературе XIX века. Его исторические произведения занимают уникальное положение в истории русской литературы. Он жил в середине XIX – начале XX века, в период, когда российское общество претерпевало радикальные изменения. Отмена крепостного права, развитие капитализма, обострение социальных противоречий – все это давало богатый материал для его творчества. Его основные работы – «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис». Он создавал исторические произведения как поэт и драматург, соединяя историю с поэзией и драматизацией, придавая историческим сюжетам новое художественное очарование.

Ранние произведения А. К. Толстого имеют ярко выраженную романтическую окраску:

Блажен, кто рядом славных дел
Свой век украсил быстротечный;
Блажен, кто жизнь умел

Хоть раз коснуться правды вечной;
Блажен, кто истину искал,
И тот, кто, побежденный, пал
В толпе ничтожной и холодной,
165 Как жертва мысли благородной!

Однако в поздние годы он обратился к реализму, сосредоточившись на описании социальной действительности и анализе человеческой природы. Кроме того, его произведения часто содержат элементы юмора и сатиры, раскрывая социальные противоречия и проблемы посредством преувеличенных описаний общественных явлений.

Л. Н. Толстого – выдающаяся фигура реалистической литературы XIX века. Его произведения глубоко отражают исторические изменения русского общества и сложность человеческой натуры. Его основные произведения включают: «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение» и т. д. Произведения Толстого имеют не только литературную ценность, но и глубокую мысль. В своих произведениях он исследовал такие важные вопросы, как человеческая природа, мораль, социальная справедливость и религиозные убеждения. Его произведения не только занимают важное место в истории русской литературы, но и оказывают глубокое влияние на историю мировой литературы. Его произведения были переведены на многие языки и широко распространены по всему миру.

«Война и мир», как одно из его представительных произведений, разворачивается на фоне Наполеоновских войн. Через истории трех дворянских семей Безуховых, Болконских и Ростовых, оно показывает полную картину русского общества начала XIX века. Роман не только описывает жестокость войны, но и исследует такие темы, как человеческая природа, любовь, семья и социальная ответственность. С помощью тонких мазков кисти писатель раскрывает сложность общества и многообразие человеческой натуры. Он считается вершиной в истории мировой

литературы, известной своей грандиозной повествовательной структурой, богатыми персонажами и глубокими идеологическими коннотациями.

А. Н. Толстого – важный писатель русской литературы XX века. Его произведения охватывают различные литературные жанры, включая романы, биографии, научную фантастику и исторические романы. Его произведения часто основаны на исторических событиях, и они показывают изменения и развитие общества, описывая исторических деятелей и события. Его исторические романы обладают как исторической достоверностью, так и литературной привлекательностью. Его основные работы включают: «Аэрита», «Хождение по мукам», «Петр Великий» и т. д.

Его историческая работа «Петр Великий» основана на реформах Петра I и показывает основные изменения в истории России. Изучите, как он использует сочетание реализма и романтизма в создании исторических историй, чтобы создать персонажей с исторической глубиной и художественной привлекательностью, и как отразить исторический процесс и социальные изменения русской нации через исторические истории. Например, «Пётр Великий вытащил Россию из болота азиатчины, но одновременно наложил на неё оковы самодержавия.» [2, с. 156]. Это предложение глубоко отражает двойное влияние Петра Великого на ход русской истории:

Положительные аспекты: Петр Великий превратил Россию из закрытой и отсталой аграрной страны в могущественную страну с сильной военной и промышленной базой посредством ряда реформ. Реформы модернизации, которые он провел, включая создание регулярной армии и флота, внедрение провинциальной системы, учреждение Академии наук и библиотек, позволили России участвовать в европейских делах и заложили основу для Российской империи.

Хотя реформы Петра Великого способствовали прогрессу России, они также укрепили самодержавную систему. Он ослабил власть дворянства и церкви посредством централизации и в то же время усилил противоречия между социальными классами. Эта самодержавная традиция оставила глубокий след в более поздней русской истории.

Толстой является одним из важных представителей советской литературы. Его работы были широко оценены в советский период и оказали глубокое влияние на более позднюю советскую литературу. «В 1930-е годы историческая повесть в русской литературе приобрела особую идеологическую и художественную значимость. Она стала не просто формой воспроизведения прошлого, а способом осмысления революционного опыта, национальной памяти и поиска новых ценностей в постреволюционной реальности.» [14, с. 47].

От хронологического повествования «Повести временных лет» до систематического написания «Истории государства Российского», от романтического и авантюрного стиля таких писателей, как Пушкин и Ладжечников, до реалистических и драматических творческих приемов Толстого, русские исторические рассказы продолжали развиваться и развиваться в повествовательной форме, тематическом содержании и литературной ценности.

Русские исторические повести являются не только записью и воспроизведением исторических событий, но и важным носителем русского национального духа и культурного наследия. Они отражают в литературной форме историческую память, культурные традиции и социальные изменения русского народа, имеют важное историко-культурное и литературное значение.

Смещение различных стилей от ранних летописных повествований до позднего романтизма, реализма и других стилей русских исторических рассказов отражает богатство и многообразие русской литературы в

создании исторических тем. Писатели каждого периода вносили в исторические рассказы свой собственный дух времени и культурные концепции, способствуя развитию и эволюции русских исторических рассказов.

Как важная часть русской литературы, исторические рассказы несут в себе историческую память и культурное наследие русского народа и оказывают глубокое влияние на развитие русской литературы. Они не только обогащают предмет русской литературы, но и способствуют новаторству и развитию русской литературы в повествовательных приемах, выражении темы и художественном стиле, завоевывая важное место для русской литературы в истории мировой литературы.

ГЛАВА II. ТИПОЛОГИЯ ПОВЕСТЕЙ «ВОСКОВАЯ ПЕРСОНА» Ю. ТЫНЯНОВА И «СМЕРТЬ ЦИНЬ ШИХУАНА» ГО МОЖО

2.1 Повесть «Смерть Цинь Шихуана» в творчестве Го Можо

Го Можо (16.11.1892–12.06.1978) как великий мастер в истории китайской культуры XX века добился больших успехов в литературе и истории. «Выдающийся китайский революционер, коммунист, литератор, поэт, драматург, переводчик, историк, археолог, каллиграф, оратор и общественный деятель – является уникальной личностью, а его опыт и жизненный путь могут изучать те, кто ищут пути к научному энтузиазму и мотивации.» [1, с. 108]. Особенно неоспорим его вклад в развитие исторического театра, который уникален тем, что живо воспроизводит достоверные события и характеры древнего Китая, основываясь на исторических фактах и опираясь на воображение.

Литературная слава пришла к Го Можо в начале 1920-х гг., когда он утвердился в литературном Китае как поэт, издав три поэтических сборника, ставших популярными. Активная социальная позиция сделала его глашатаем Нового времени. Но констатирует: 可是，我们今天的音调， / 为什么总是不能和谐 («ныне мелодии наши / В гармонию слиться не могут» (Перевод А. Е. Адалис)). Он воспевает революцию, устремляется мыслью в будущее, изучает и переводит марксистскую литературу, декларирует твердую веру в прогресс: «Творческая деятельность Го Можо с самого начала была посвящена патриотическому служению отечеству, делу народной революции, национальному и социальному раскрепощению. Достойный представитель великого народа, Го Можо отдал свое многогранное дарование писателя-борца борьбе с темными силами старого общества, утверждению новой жизни.» [31, с. 26]

Его первый сборник стихов «Богини» (1921) сочетает в себе романтическое начало с острой социальной критикой, в нем ощущается влияние поэзии У. Уитмена и читаются мифологические аллюзии, использован эпитаф сборника стихов отсылает читателя к Гете, а некоторые фрагменты к древнекитайской поэме «Вопросы к небу». «Основными темами эссе являются бунт против мрачной реальности и требование индивидуального освобождения; в нем также ярко выражены мечта и тоска по новому Китаю, воспевание и ликование пролетарской революции, уверенность в себе и любовь к будущей жизни.» [45, с. 45]. Этот сборник стихов – один из шедевров Го Можо, вобравший в себя его личный опыт и страсть к социальной революции. Стихи сборника наглядно демонстрируют, в какой огромной мере Го Можо «являлся новатором в китайской поэзии, смело отбросившим старую поэтическую форму китайского стихосложения и начавшим пропаганду нового, свободного стиха, выражающего новое содержание.» [32, с. 12].

С 1930-х по 1940-е годы в писательской карьере Го Можо наступил особый период, особенно во время его пребывания в Японии, который часто называют «японским периодом». В этот период на его произведения оказал влияние контекст времени, особенно его мысли о войне и судьбе нации. «В творчестве Го Можо 1930-х годов исторический образ Цинь Шихуана не является нейтральным. Он трансформируется в яркий политический символ, воплощающий тиранию, деспотизм и подавление свободы. Писатель использует этот образ для аллегорической критики современной политической ситуации в Китае.» [15, с. 76]. Именно в этот период Го Можо завершил работу над «Смерть Цинь Шихуана» (1936) – произведением, основанным на глубоком изучении истории Китая и размышлениях о будущем нации. В книге, главной темой которой является жизнь и смерть Цинь Шихуана, исследуется связь между властью, тиранией и страданиями народа, а также выражается размышление об

исторической трагедии и стремлении к политическим идеалам. Книга была написана на фоне того времени, когда Китай столкнулся с иностранным вторжением и внутренними проблемами, и в обстановке крайних лишений и угнетения Го выразил свою озабоченность сегодняшними социальными проблемами через исторические фигуры, одновременно предостерегая будущие поколения от повторения ошибок прошлого. «Го Можо интерпретирует древнюю историю через призму национального спасения 1930-х годов, вписывая древние сюжеты в контекст современной ему эпохи национального подъема и борьбы за выживание нации.» [10, с. 95].

Начиная с 1950-х годов Го Можо постепенно обращается к политическим и историческим исследованиям, и его творческий стиль меняется. Его работы на этом этапе были больше сосредоточены на исторических свидетельствах и литературно-исторических исследованиях, таких как «Коллекция костей оракула» (1982). Этот этап свидетельствует о его чувстве ответственности и миссии как интеллектуала. Организуя и интерпретируя исторические документы, Го Можо надеялся обеспечить более богатое культурное наследие для будущих поколений. «С первого взгляда Го Можо принадлежит к числу замечательных субъектов, изучающих в двадцатом веке историю китайской литературы, историю культуры, идеологическую историю, социальную и революционную историю.» [49, с. 80].

«Смерть Цинь Шихуана» – рассказ, завершенный в 1936 году и связанный с событиями третьего века до нашей эры и местом Цинь Шихуанди в истории Китая. Находясь под надзором японской полиции, едва оправившись от тяжелой болезни, едва находя заработок для заботы о семье, Го Можо погрузился в изучение исторических сочинений, «его книги, посвященные исследованию китайского общества на ранних этапах развития, внесли немалый вклад в науку.» [18, с. 64]. Произведение было написано в то время, когда Китай переживал масштабные социальные

потрясения и национальный кризис. Изучая историю, Го Можо не только фокусируется на самих исторических событиях, но и исследует отношения между человеком и властью.

В центре внимания – смерть Цинь Шихуана, с точки зрения исторического фона автор исследует причины смерти Цинь Шихуана и стоящие за ней политические интриги. С помощью множества исторических деталей и смелых предположений писатель реконструирует не только конкретную историю, но и рассуждает о том, что происходит с государством в момент смерти его правителя. Го Можо утверждает, что Цинь Шихуанди не умер естественной смертью в конце жизни, как записано в истории, а погиб в результате убийства, убийцей которого мог быть либо Ху Хэ, либо Чжао Гао. Он основывает это мнение на тщательном анализе состояния Цинь Шихуанди, места его смерти и поведения людей, вовлеченных в это дело. По мнению Го, смерть Цинь Шихуана стала результатом внутренней борьбы за власть внутри династии Цинь и показала жестокость и безжалостность древней императорской системы.

Когда Го Можо создавал свои произведения, общество переживало огромные изменения и потрясения, а конфликт между традиционными и новыми идеями повлиял на понимание людьми истории. К новым идеям относятся: марксизм, демократическая наука, социализм и другие. Некоторые считают, что образ Цинь Шихуана является символом власти и могущества. Например, Сыма Цянь, знаменитый историк династии Западная Хань в Китае, писал в своей книге «Записи великого историка Цинь Шихуанди Бэнь Цзи», что он «臣等昧死上尊号，王为‘泰皇’，命为‘制’，令为‘诏’，天子自称曰‘朕’。» [47, с. 236]. Другие считают, что Цинь Шихуану не избежать роли тирана. Например, западноханьский писатель Цзя И в своем сочинении «Рассуждение о превзойти Цинь» писал, что «于是废先王之道，焚百家之言，以愚黔首；隳名城，杀豪杰；收天下之兵，

聚之咸阳，销锋镝，铸以为金人十二，以弱天下之民。」 [43, с. том 1]. Благодаря тонкому эмоциональному изображению и историческому анализу работы Го вызвали глубокие размышления о взаимоотношениях между властью и личной свободой, а также послужили толчком к широкой дискуссии о том, как оценивать исторические личности. Так, например, историк Цянь Му в своем «Наброске национальной истории» так отзывался о многих деятелях китайской истории: «Следует полагать, что граждане любой страны, особенно те, кто претендует на то, чтобы быть выше уровня знаний, должны иметь некоторое представление о своей собственной прошлой истории. Небольшое знание прошлого своей страны должно сопровождаться, прежде всего, теплотой и уважением к прошлому своей страны.» [46, с. Введение-1]. Это утверждение подчеркивает, что граждане должны знать свою историю, что подразумевает, что они должны знать и понимать ее с точки зрения истории и культуры своей страны, и это также относится к оценке исторических деятелей, которые могут быть лучше поняты и оценены только с точки зрения общего контекста истории, культурного наследия и т. д., с теплотой и уважением к истории.

В наше время, с углублением академических исследований и применением междисциплинарных подходов, «Смерть Цинь Шихуана» и создание Го Можо исторических драм стали предметом более детального и всестороннего внимания. Например, в книге Чэнь Цзяньчана «Исследование исторической драмы Го Можо» (2009) не только анализируются права человека и моральные конфликты женщин в ранних исторических драмах Го, но и исследуются темы, аутентичность и художественная оригинальность его антивоенных и более поздних исторических драм. Ученые исследовали психологические мотивы персонажей пьесы. Например, в статье «Взгляд на первого императора с широко открытыми глазами» (2006) Ли Ао проанализировал психологические изменения в процессе объединения шести царств Цинь

Шихуаном с точки зрения черт его характера, а также то, как эти изменения повлияли на его решения и поведение. Некоторые ученые также исследовали, как личный взгляд Го Можо на историю повлиял на его творчество с разных точек зрения. Например, В книге «Слухи и правда: Го Можо в революционной перспективе» (2021) Ли Бинь интерпретирует Го Можо, подчеркивая влияние его политических идей и революционного духа на его литературное творчество.

В свете сказанного выше, произведения Го часто представляют собой идеальное сочетание истории и литературы, и многие исследования посвящены тому, как он реконструирует исторические фигуры через литературу, а также социально-психологическим и гуманистическим размышлениям, воплощенным в таких реконструкциях. В пьесах также исследуется разрушительное воздействие власти, уязвимость и устойчивость человеческой природы в экстремальных обстоятельствах. Кроме того, анализ взаимосвязи между личным опытом Го, контекстом времени и его произведениями позволяет выявить влияние политической среды на его творчество. Эти исследования не только помогают нам лучше понять творчество Го Можо, но и открывают новые перспективы для понимания истории и человеческой природы.

Помимо произведения «Смерть Цинь Шихуанди», существует множество других литературных произведений, посвященных теме Цинь Шихуанди, включая, но не ограничиваясь ими:

Книга Чжао Сяоцзе «Исследования литературной теории Го Можо» выпущена в 2018 году в издательстве «Общественно-научная литература» и посвящена анализу исторического мировоззрения и гуманистической научной мысли в произведениях Го.

Книга Хуан Чжунъе «Биография Цинь Ши Хуан Ин Чжэна» была опубликована Цилиньским народным издательством в 2006 году. В этой книге подробно описывается легендарная жизнь Цинь Шихуанди Ин

Чжэна, оценивается его огромный вклад в развитие китайской нации, а также его недостатки.

2.2. Повесть «Восковая персона» в контексте творческой биографии Ю. Тынянова

Юрий Николаевич Тынянов (1894 – 1943) – русский советский прозаик, драматург, сценарист, переводчик, литературовед и критик. Трудно переоценить влияние Тынянова на традицию русской литературы XX века. Он является одним из наиболее значительных представителей русского формализма, а его теория «литературной эволюции» заложила фундамент для развития и совершенствования русской формалистической теории литературы, подчеркивая внутренний закон литературного развития и важность литературной формы, открывая новые перспективы и методы для изучения литературы, побуждая людей уделять больше внимания формальной структуре и языковым приемам литературных произведений. «Тынянов был единственным из русских формалистов, кто сумел органически соединить научное исследование и художественное творчество в единую творческую биографию.» [25, с. 142]. Она открыла новые перспективы и методы для изучения литературы, побуждая людей уделять больше внимания формальной структуре и языковым приемам литературных произведений. Соратник Ю. Н. Тынянова Эйхенбаум писал: «Он не только писатель-беллетрист, но и историк литературы; не только историк литературы, но и теоретик – автор ряда замечательных работ о стихе, о жанрах, о проблемах литературной эволюции и пр. Эти области творчества не просто сосуществуют у него, а взаимно питают и поддерживают друг друга.» [36, с. 381]. Л. Успенский вспоминал: «О одно свойство учителя меня в нем привлекало и восхищало ... абсолютный литературный вкус... Я поражаюсь тонкости и – я бы сказал – неоспоримости его суждений.» [7, с. 368].

В 1918 или в 1919 г. Ю. Тынянов вошел в ОПОЯЗ (Общество по изучению русского языка), основанное в Петрограде В.Б. Шкловским, О.М. Бриком, Р.О. Jakobсоном и др. Его книга «Проблема стихотворного языка» (1923) до сих пор остается базовым монументальным трудом для стиховедов. Понятие «единства и тесноты стихотворного ряда» «прочно вошли в арсенал филологической терминологии: без них сегодня не обходится ни одно исследование стихотворного текста.» [4, с. 87].

В 1920-е годы как литературовед и литературный критик Тынянов публикует свои первые работы «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» (1921), «Проблема стихотворного языка» (1924) и др. В своих исследованиях Тынянов демонстрирует уникальный научный стиль и глубокие аналитические навыки. Создавая работу «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)», он стал пионером в использовании методов сравнительного литературоведения для анализа творчества двух великих мастеров русской литературы – Достоевского и Гоголя. По утверждению Тынянова, Достоевский умел показать внутреннюю борьбу и конфликты своих героев через сложные психологические описания, в то время как Гоголь был более склонен сатирически критиковать социальную действительность, используя приемы преувеличения и абсурда. Что касается тематики, то, хотя оба они обеспокоены реальностью российского общества, Достоевский сосредоточен на исследовании добра и зла человеческой природы, спасении души и других глубоких проблемах; Гоголь же в основном фокусируется на социальных недугах, бюрократической коррупции и других явлениях. «В этих исследованиях была предпринята попытка прочесть прозу Тынянова через призму его Филологических концепций, прежде всего семантической теории, изложенной в книге “Проблема стихотворного языка”»: данные исследования продемонстрировали несомненную продуктивность этого подхода, описав элементы поэтики Тыняновской прозы и некоторые

особенности работы Тынянова-писателя с историческими источниками.» [3, с. 24]. Как гласит текст: «Стиль Достоевского так явно повторяет, варьирует, комбинирует стиль Гоголя, что это сразу бросилось в глаза современникам. Достоевский отражает сначала оба плана гоголевского стиля: высокий и комический.» [29, с. 8].

Хотя некоторые исследователи полагают, что «литература и филология были для Тынянова непересекающимися (или слабо пересекающимися) сферами деятельности.» [20, с. 47], очевидно, что сквозной темой для него и как для ученого и как для писателя стал Пушкин. На фоне культурного строительства в Советском Союзе в конце 1920-х гг. существенным становится вопрос национальной культурной идентичности, собственных культурных традициях. Тынянов обращается к пушкинской теме, интерес к которой станет важнейшим для всего дальнейшего творчества автора. Так, в 1924 году появляется самая крупная по объему историко-литературная монография Тынянова «Архаисты и Пушкин». В 1925 году выходит первый роман писателя «Кюхля», посвященный полной скитаний и тягостей жизни Вильгельма Карловича Кюхельбекера. Затем образ Пушкина появляется в романе «Смерть Вазир-Мухтара» (1928). Роман «Пушкин» должен был завершить историко-литературную трилогию: Кюхельбекер – Грибоедов – Пушкин. А неоконченная статья «О композиции "Евгения Онегина"», опубликованная впервые только в 1975 году – завершить научные изыскания о «Солнце русской поэзии». «Исторический роман не есть реконструкция прошлого, а есть осмысление настоящего через призму прошлого.» [30, с. 224].

В повести «Восковая персона» (1930) Тынянов соединяет интерес к Пушкину с интересом к истории. Её сюжет имеет точки соприкосновения с «Арапом Петра Великого». Автор создал ряд характерных персонажей, таких как страдающий Пётр, Алексей Петрович и Екатерина, которые борются и переживают в обстановке, полной противоречий и конфликтов в

период социальных перемен в России . Близится конец блестящей эпохи, самодержец здесь уже болен и немощен. Страдает Пётр не столько от болезни, но из-за ощущения незаконченности своего царского дела. И ещё от того, что приближённые оказались обманщиками. Петра мучают сны, воспоминания и мысли: «На «авансцене» истории идет «неслыханный скандал», идет «ручная и ножная драка» между Меншиковым и Ягужинским, первыми людьми государства. А на «задворках», в народных низах, рождаются силы, которые стремятся уйти и уходят из-под власти феодально-бюрократической государственности.» [28, с. 367]. Через переживания главных героев показан упадок старой аристократии и подъем новой власти, изображены стремление и растерянность людей в любви, идеале и социальном положении. «Повесть “Восковая персона”, в свою очередь, в это же время выступила своеобразным итогом развития темы Петра I, имеющей в русской литературе долгую и богатую традицию.» [23, с. 282].

Благодаря новой структуре повествования, уникальному стилю языка и экспериментальной технике письма, книга служит практическим примером для теории русской формалистической литературы, обогащает и развивает творческий метод русского формализма. «Тынянов рассматривал историческую повесть не как документальное воссоздание прошлого, а как художественный эксперимент, где исторический материал служит основой для творческого преобразования и реализации формально-стилистических задач. Для писателя история — это не иллюстрация фактов, а поле для литературного поиска и создания оригинальной поэтики.» [5, с. 116]. С точки зрения тематических раскопок, в ней исследуются природа человека, история, искусство и другие аспекты через рассказ об уникальном образе воскового человека и связанных с ним историях. «Художественное время в повести «Восковая персона» сжато, символично и насыщено смыслом, отражает кризис исторической эпохи.» [8, с. 59].

Н. И. Харджиев называл «Восковую персону» «одним из самых блестящих достижений Тынянова-прозаика» [Воспоминания], критически принявший повесть В. Ф. Ходасевич относил ее «в область чистой беллетристики» с развитой «чрезвычайно слабо» фабулой и делал вывод, что «Тынянов лишен дарования, вот в чем беда» [33, с. 127]. Л. Рахманов писал, что это «самая образная, самая метафорическая повесть Тынянова.» [Воспоминания]. Именно в силу разницы взглядов и мнений повесть представляет интересный объект для анализа.

Созданные в тот же период повести «Побег. Из жизни декабриста» (1928), «Малолетний Витушишников» (1933), как и более поздние «Четырнадцатое декабря (1940) и «Гражданин Очер» (1942) тоже носят подчеркнуто исторический характер.

2.3. Сюжет смерти тирана у Ю. Тынянова и Го Можо

В литературных кругах Китая и России 1930-х годов исторические повествования стали важным средством передачи идей того времени. «В 1930-х годах историческая проза Китая и России приобрела особую значимость, поскольку в условиях социальных потрясений и политических перемен оба народа стремились к пониманию прошлого, чтобы ответить на вопросы настоящего.» [34, с. 58].

«Смерть тирана» – весьма характерный повествовательный мотив, который не только отражает вопросы, поднимавшиеся в литературах обеих стран относительно природы власти, но и содержит социальные требования, обусловленные конкретным историческим контекстом.

Крушение власти часто сопровождается последним размышлением о жизни. В обоих произведениях тираны в конце жизни испытывают сложные сожаления о том, что они «сделали» и чего «не сделали», однако эти сожаления проявляются по-разному из-за различий в их личностях и обстоятельствах. «Писатель последовательно показывает, как любая

безграничная власть меняет внутренний мир человека, разрушает его духовные качества, искажает естественные человеческие чувства. Власть деформирует человеческую природу у Тынянова.» [19, с. 48]. В «Восковая персона» главный герой приходит к власти благодаря интригам. С приближением смерти скрытые преступления, совершённые им в погоне за властью, всплывают на поверхность, словно тень, «Солдату руки выворотили, и он сказал: Говорено про персону, что у ней по носу пестрина. И персона в скаредных словах назвата немкой. И если не то сказал, велите меня смертью казнить. А я солдат господина Балка полка.» [28, с. 356]. Жестокое подавление политических врагов, безжалостные чистки инакомыслящих напоминают о себе через деформацию внешнего облика. Моральная вина, когда-то замаскированная жаждой власти, постепенно выходит на поверхность, формируя подавленное, скрытое раскаяние. Это сожаление – не публичное признание, а скорее проявление молчания главного героя в одиночестве и воспоминаний о прошлом, демонстрирующих душевные оковы, от которых людям трудно освободиться в конце жизни, когда власть извратила человечность.

Напротив, Цинь Шихуанди, изображённый в рассказе «Смерть Цинь Хуана», больше сосредоточен на «незавершённых делах». Будучи монархом, объединившим Шесть Царств, он посвятил свою жизнь достижению стабильности единой империи и вечности бессмертия, однако на смертном одре столкнулся с конечностью жизни и скрытыми опасностями своего правления. Он сожалел о том, что не смог полностью устранить угрозу со стороны оставшихся войск Шести Царств, не смог найти истинный эликсир бессмертия и не смог окончательно укрепить порядок централизованного правления. Это сожаление проистекает из его одержимости незыблемостью власти; по сути, это негодование тирана по поводу неспособности увековечить свою гегемонию, а не размышление о

самой централизованной власти, что подчёркивает одержимость и трагизм персонажа.

Подводя итоги, Петр I не может не признать преступности путей, которыми он шел к успеху: «Всю ночь он трудился во сне, ему снились трудные сны. А для кого трудился? – Для отечества ... Он решил не вносить ночные сны в кабинетный журнал, как обычно делал: сны были нелюбопытны, и он их побаивался».

Будучи важнейшим сосудом человечества, семья часто первой страдает под сокрушительным бременем абсолютной власти. В обоих произведениях «распад семьи» используется как сюжетная линия, демонстрирующая разрушительную силу родства. В «Восковой персоне» главный герой, чтобы устранить препятствия на пути к власти, готов пожертвовать жизнью отца — отец, как представитель старых сил, является одновременно препятствием для его властного роста и его первой целью в разрушении этических оков. Этот сюжет об «отцеубийстве ради власти» противопоставляет стремление к власти и семейную этику, подчёркивая безжалостность тирана в достижении своих целей через жертвование родством, а также тонко перекликается с логикой исторических повествований о том, что «разрушение старого порядка требует этической цены».

В «Смерти Цинь Хуана» распад семьи не является следствием прямого отцеубийства, но является прямым следствием централизованного правления. Чтобы укрепить свою власть, Цинь Шихуанди установил суровое правление, поддерживая абсолютный контроль и подозрения даже по отношению к собственному сыну «李斯那家伙，他勾结起一些方士来骗我，装着一个忠诚的样子，谁知道他怀的是什么鬼胎？我的大儿扶苏早就劝我疏远他，但我反听了他的话把扶苏遣去成边去了，把蒙恬疏远了起来，十几年都没有让他回朝。」 [40, с. 187]. Принц Фусу был сослан на границу за откровенные речи и в конечном итоге был вынужден покончить жизнь

самоубийством. Хотя смерть этого наследника не была личной виной Цинь Шихуанди, она стала следствием политического гнета и извращения гуманности в условиях его централизованного правления. В этом эпизоде произведение раскрывает косвенное разрушение родства абсолютной властью: когда власть становится критерием, преобладающим над всем остальным, родство превращается в ненужное дополнение или даже жертву борьбы за власть.

Помимо распада семейных уз, отъезд близких друзей также является важнейшей составляющей «обобщающей темы» жизни тирана. Оба произведения, через повествование о «предательстве всех», демонстрируют отчуждение межличностных отношений, вызванное абсолютной властью.

В «Восковой персоне» у главного героя были близкие друзья-единомышленники до того, как он захватил власть. Они разделяли представление об идеальном порядке, но по мере постепенной концентрации власти одержимость главного героя ею усиливалась, делая его подозрительным и безжалостным. Тем временем недовольство его близких друзей его жестоким правлением накапливалось, что в конечном итоге привело к их дистанцированию или даже к бунту. Этот крах дружбы, по сути, является конфликтом между идеалами и властью. Когда главный герой становится полным рабом власти, некогда искренняя дружба теряет свою основу, в конечном итоге заканчиваясь потерей близкого друга, тем самым завершая описание одинокой жизни тирана. «Власть в прозе Тынянова предстает как разрушительная сила, которая деформирует человеческую личность, лишает ее моральных ориентиров и приводит к внутреннему разлому.» [6, с. 82].

В «Смерти Цинь Хуана» Цинь Шихуанди на протяжении всей своей жизни испытывал нехватку настоящих близких друзей. Природа его централизованного правления обусловила то, что он никому не мог

доверять. «在二十几年前还杀死了一位伟大的学者韩非，也是李斯那狗子教唆我的。妈的，如今有良心的人都离开了我，剩下的都是他的一派狐群狗党。」 [40, с. 187]. Те, кто помогал ему завоевывать империю, либо не доверяли ему и были убиты им, либо предпочитали защищаться из страха; никто не осмеливался относиться к нему как к равному, даже как к близкому другу. Произведение, изображая одиночество Цинь Шихуанди в последние годы его жизни – никто не осмеливался дать честный совет, никто не мог по-настоящему понять его сердце, – демонстрирует неизбежную цену абсолютной власти: чем выше власть, тем глубже одиночество. Эта «потеря близких друзей» проистекает не из разрыва дружбы, а из самой природы отрицания абсолютной властью «равного доверия», тем самым подтверждая, с другой стороны, разрушительную силу власти в межличностных отношениях.

Оба тирана вспоминают детство перед смертью. Цинь Шихуан думает о своих двух отцах – усыновившем его императоре и настоящем отце, который по приказу сына покончил с собой, чтобы не стать ему помехой и обузой: «Впервые он думал о своем отце с таким тёплым чувством “... Зачем я вышвырнул из дворца и казнил двух своих единоутробных братьев?”». Семейные конфликты сделали его жестоким, несправедливым, толкнули на преступления. Запутанная семейная история обернулась войной против самых близких людей. Петр I в большом лирическом отрывке, описывающем предсмертные сны царя, осознает собственное перерождение под влиянием власти: «В жизни было три боязни и все три большие: первая боязнь – вода, вторая – кровь. Он в детстве боялся воды, у него от этой мути, от надутия больших вод подступало к горлу. И он за то полюбил ботик, что ботик – были стены, была защита от полой воды. И потом привык, и полюбил. Крови он боялся, но малое время. Он видел, ребенком, дядю, которого убили, и дядя был до того красный и освеженный, как туша в мясном ряду, но дядино лицо бледное, и на лице,

как будто налепил маляр, была кровь вместо глаза. И он тогда имел страх и тряску, но было и некоторое любопытство. И любопытство превозмогло, и он стал любопытен к крови».

Если предательство при жизни напрямую влияет на правление тирана, то предательство после смерти – это реконструкция его исторического образа и символа власти. Оба произведения углубляют исследование «сущности власти» в этом измерении. В «Восковой персоне» царь понимает, что ему не на кого оставить страну, кругом воры, приспособленцы и предатели, «и неизвестно, на кого отечество, и хозяйство, и художества оставляю!». Великие планы остались нереализованными, замыслы уже никогда не осуществляются, потому что нет соратников и единомышленников, а есть приспособленцы и приживалы. Цинь Шихуан у Го Можо окружен мошенниками и шарлатанами. Он сам уничтожил истинных ученых, поставил познание и философию вне закона. Накануне смерти он отчетливо осознает: «Где же плоды моего владычества? ... Все сговорились, чтобы морочить меня».

После смерти тирана его бывшие последователи быстро восстают против него. Некоторые открыто критикуют его жестокое правление, пытаясь дистанцироваться от него и заслужить одобрение нового режима; другие используют его оставшееся влияние, борясь за власть под лозунгом «мщения за тирана». Эта «негативная реконструкция» и «утилитарное использование» имени тирана демонстрируют пластичность символов власти: имя тирана перестает быть символом абсолютной власти, а становится инструментом в последующей борьбе за власть.

В «Смерти Цинь Хуана» предательство после смерти Цинь Шихуанди принимает более сложную, но и более абсурдную форму. Чжао Гао и Ху Хай не только искажали завещание, но и пытались скрыть правду о смерти Цинь Шихуанди, продолжая отдавать приказы от его имени, чтобы сохранить легитимность своего правления. Когда правда раскрылась,

народное негодование по отношению к Цинь Шихуанди вырвалось наружу. Его прежний образ «императора веков» сменился ярлыком «тирана», что сделало его объектом критики. Это «восстание после смерти» включало в себя как кражу его политического наследия, так и подрыв его исторической оценки, обнажая основную логику: имя тирана теряет свой абсолютный авторитет после его смерти, превращаясь в исторический символ, который можно произвольно трактовать и использовать. Эта борьба за «власть имени» по сути является борьбой за легитимность его последующего правления. «В русской исторической прозе 1930-х годов образ тирана часто ассоциируется с деспотией прошлых эпох, но на самом деле он несет в себе отражения современных проблем: недовольства народа от социальных преобразований, репрессий и ограничений свободы. В китайской исторической прозе того же периода образ тирана имеет свою специфику: он чаще всего олицетворяет внешнюю агрессию (Япония) и внутреннюю тиранию феодальных военачальников, а также коррупцию чиновников.» [21, с. 59].

Три основных аспекта мотива «смерти тирана» в китайско-русских исторических нарративах 1930-х годов, таким образом, это: обобщение и сожаление — осмысление смерти тирана как символа конца эпохи тирании, сочетание оценки его деяния и некоторого трагизма судьбы, предательство — подчеркивание того, что тиран часто становится жертвой собственных союзников или народа, которого он угнетал, как следствие его амбиций и жестокости и преемственность смерти — это ключевой момент, который вам непонятен: этот термин означает, что смерть одного тирана не завершает борьбу с тиранией, а становится отправной точкой для нового этапа. Оба произведения демонстрируют значительную схожесть в повествовательной структуре и тематической подаче: оба подчёркивают отчуждение человечества от власти через распад семьи и повсеместное предательство, а также размышляют об историческом вреде тирании через

«посмертное влияние». Однако, основываясь на различном культурном опыте, оба произведения демонстрируют и уникальные особенности в своём тематическом выражении: китайская литература больше фокусируется на связи тирана с исторической системой, в то время как русская литература подчёркивает разрушение тираном индивидуального духа. «Мотив смерти тирана раскрывает трагизм авторитарной власти в литературе разных культур. Он становится символом конца эпохи угнетения, сигналом к переменам и переосмыслению исторического опыта.» [12, с. 105].

«Смерть тирана» ценно не только переосмыслением исторических личностей, но и отражением социально-политических проблем той эпохи: обе страны находились на критическом этапе социальных преобразований, и литература посредством критики исторических тиранов выражала бдительность против авторитарного правления и стремление к идеальному обществу.

2.4. Смерть как индикатор истины: приспособленцы на службе тирана

Когда ореол власти угасает, смерть тирана часто становится острым клинком, пронзающим туман истории, полностью срывающим лицемерные маски окружающих его оппортунистов. «В повестях Ю. Тынянова и Го Можо смерть тирана выполняет функцию индикатора истины: она срывает маски с придворных и приближенных, обнажает их лицемерие, корысть и предательство. Те, кто при жизни властителя служили ему верой и правдой, после его смерти сразу же меняют лица, стремясь сохранить власть и богатство. Таким образом, смерть главного героя раскрывает истинную природу авторитарной власти и ее слуг.» [35, с. 105].

В повествованиях о падении династий Цинь и Романовых в России акты предательства со стороны ближайших советников тирана

поразительно похожи. В основном фавориты, советчики, приспособленцы служили власти лестью, захватывали выгоды путем предательства и в конечном итоге толкали своих монархов в пропасть смерти. Ниже приведены несколько показательных примеров.

Ли Си, Чжао Гао и Ху Хай могут считаться наиболее представительной группой оппортунистов в процессе падения империи Цинь. Ли Си, будучи премьер-министром Цинь, помогал Цинь Шихуану в создании империи и уточнении законов, но, поддавшись искушению власти, предал свои первоначальные намерения. Он вступил в сговор с евнухом Чжао Гао, чтобы подделать завещание первого императора, свергнуть принца Фусу и возвести на престол некомпетентного Ху Хая. Для укрепления узурпированной власти Чжао Гао и Ху Хай сфабриковали обвинения, устроили массовые убийства членов царской семьи и лояльных чиновников, вызвав повсеместный страх и перемещение населения, погрузив страну в ужас «秦始皇就这样在半死半活的状态中被人遗弃着的时候，他所预感着的阴谋在李斯和赵高之间却活跃了起来。赵高把始皇写给扶苏的手诏扼着没有发出，他主张立胡亥，便和李斯串通起来，把那诏书的内容完全改换了。」 «Находясь в полумертвом состоянии, Цинь Ши Хуан почувствовал, что Ли Си и Чжао Гао что-то замышляют. Чжао Гао скрыл от него указ, написанный Цинь Ши Хуаном Фусу, и выступил за то, чтобы Хухай стал императором. Затем он вступил в сговор с Ли Си, чтобы полностью изменить содержание указа о престолонаследии.» [40, с. 189]. Чжао Гао сначала подстрекал Хухая, который питал амбиции к имперской власти. Затем он принудил и заманил Ли Си в заговор, угрожая ему потерей власти и истреблением их семей в случае восшествия Фусу на престол, тем самым вынудив Ли Си отказаться от своих принципов и принять участие в заговоре. Затем они сфабриковали императорский указ, провозгласив Хухая наследным принцем и отчитав Фусу и Мэн Тяня за их некомпетентность в обороне границ и затаенную обиду, приказав им

покончить жизнь самоубийством. Фусу подчинился указу и покончил жизнь самоубийством, а Мэн Тянь был заключен в тюрьму, а позже убит. Затем они скрыли смерть, поместив тело Первого императора в ледяную повозку и поспешно вернувшись в Сяньян. Вернувшись в Сяньян, они объявили о смерти и возвели Хухая на престол в качестве нового императора. Чжао Гао, воодушевленный своими прошлыми заслугами, захватил власть и впоследствии подстрекал Хухая к казни ключевых членов царской семьи и чиновников. В конечном итоге он подставил Ли Си, монополизировал правительство и посеял семена падения династии Цинь.

Эта политическая буря, организованная тремя царедворцами, в конечном итоге подорвала основы династии Цинь. Их предательство не ограничилось сменой власти — когда амбиции Чжао Гао достигли своего пика, он сначала задумал устранить Ли Си, а затем послал своего зятя Янь Лэ заставить Ху Хая покончить жизнь самоубийством во дворце «秦始皇为什么那样早死了? 这除胡亥一个人而外, 连李斯、赵高都不知道, 不用说当时也没有人验尸, 自然更说不到尸体解剖。假如是现代。解剖的小刀是可以发现出秦始皇的右耳里面有一条三寸长的铁钉的。」 «Почему Цинь Ши Хуан умер так рано? Помимо Ху Хая, даже Ли Си и Чжао Гао не знали. Излишне говорить, что никто не осматривал тело в то время, не говоря уже о проведении вскрытия. Если бы это были современные времена, вскрытие выявило бы трехдюймовый железный гвоздь в правом ухе Цинь Ши Хуана.» [40, с. 191]. Имперская империя, которую Цинь Ши Хуан строил на протяжении всей своей жизни, в конечном итоге рухнула из-за предательства и междоусобиц его ближайших советников. Смерть тирана служит зеркалом, отражающим отвратительную природу оппортуниста: Те, кто объединяются ради взаимной выгоды, разойдутся, когда выгода исчезнет «以利合者, 利尽则交疏» и это подтверждает тот факт, что авторитарные правительства ещё свирепее тигров «苛政猛于虎»: когда

власть становится инструментом для немногих, преследующих собственные интересы, разрушение становится неизбежным результатом.

В борьбе за власть в династии Романовых Данилыч, Растрелли и Екатерина, хотя и принадлежали к разным социальным классам и питали собственные политические амбиции, были оппортунистами, использовавшими власть монарха для продвижения по социальной лестнице. Их решения оказали глубокое влияние на взлет и падение династии.

Будучи представителем ближайшего окружения царя, Данилыч умело управлял борьбой за власть при дворе, используя свою подбострастную и подхалимскую натуру. Он опирался на авторитет самодержавного монарха, защищая своих приближенных и подавляя внутреннее инакомыслие, в то время как внешне изображал мирное общество и скрывал трудности народа, превращая двор в поле битвы для фракционности и корысти. «Светлейший князь Данилыч обыкновенно призывал своего министра Волкова и спрашивал у него отчета, сколько маетностей числится у него по сей час... Водил войска, строил быстро и рачительно, был прилежный и охотный господин, но миновались походы и кончались канальные строения, а рука была все сухая, горячая, ей работа была нужна, или нужна была баба, или дача?» [28, с. 321]. Он использовал доверие монарха как рычаг для постоянного расширения собственной власти; когда власть монарха ослабевала, он без колебаний вставал на сторону нового правителя, обменивая кровь своего бывшего господина на собственные богатства и славу — типичный пример оппортуниста в условиях самодержавной системы.

Растрелли использовал искусство как трамплин для того, чтобы стать придворным архитектором. Этот исключительно талантливый дизайнер сочетал итальянский стиль барокко с традиционными русскими архитектурными элементами, создав ряд великолепных дворцов для

династии Романовых, включая Зимний дворец, Смольный монастырь и Летний дворец. Эти здания, которые должны были стать художественными сокровищами, в руках Растрелли превратились в инструменты самодержавного монарха для демонстрации своей власти. Он истощил ресурсы народа и государства, чтобы построить экстравагантные и сложные архитектурные чудеса, используя их блестящий вид, чтобы скрыть нищету и страдания низших слоёв населения. «Каналы не были доделаны, бечевник невский разорен, неисполнение приказа. И неужели так, посреди трудов недоконченных, приходилось теперь взаправду умирать?» [28, с. 320]. Он был покорен требованиям монарха, превратив свой художественный талант в средство угождения власти и полагаясь на благосклонность царской семьи, чтобы подняться в элитный класс, в то время как архитектурное искусство полностью отклонилось от своего первоначального предназначения – служить обществу.

Оппортунизм Екатерины проявился в узурпации монархической власти. Будучи принцессой прусского происхождения, она вошла в русскую царскую семью через политический брак, но никогда добровольно не становилась покорной императрицей. Во время правления своего мужа Петра III Екатерина проницательно оценила его слабость и непопулярность. Она тайно вступала в сговор с дворянами и военными, используя знамя «просвещенного деспотизма», чтобы завоевать народную поддержку. Когда настало подходящее время, она без колебаний совершила дворцовый переворот, вынудив Петра III отречься от престола и тайно казнив его. Затем она взошла на трон, став новым царем России «Екатерина возрыдала. Кто в первый раз услышал этот рев, тот испугался, тот почуял – есть хозяйка. И нужно реветь. И весь дом заревел и казался с улицы разнообразно ревающим.» [28, с. 394]. Оппортунизм Екатерины заключался не в лести, а в точном использовании моральных недостатков

старого монарха и кризиса династии, установив собственную автократическую власть после смерти тирана.

Действия этих трех личностей в совокупности отражают динамику власти в условиях самодержавной системы династии Романовых: будь то льстивые придворные, ремесленники, заискивавшие перед властью, или императрица, узурпировавшая трон, все они рассматривали монарха как трамплин для реализации своих личных амбиций. Когда смерть тирана выявила коррумпированную природу самодержавного правления, истинные лица этих оппортунистов также предстали перед светом истории.

Стоит задуматься над тем, что в этих исторических повествованиях упадок науки и искусства часто сопровождает падение тиранов. Ли Си, изначально приверженец легистской мысли и глубоко знавший принцип «верховенства права», искажил верховенство права, превратив его в инструмент подавления инакомыслия, чтобы угодить тирании Ху Хая и Чжао Гао, превратив легистскую доктрину в пособника автократического правления. Растрелли, выдающийся архитектор, должен был использовать свои проекты для улучшения жизни людей и сохранения культуры, но вместо этого использовал свой талант для удовлетворения эгоистичных желаний монарха, сведя архитектурное искусство к украшению для деспотизма. Когда знания и навыки отклоняются от своего первоначального предназначения — приносить пользу народу — и становятся лестницей для оппортунистов, стремящихся подняться по лестнице власти, они перестают быть движущей силой социального прогресса и вместо этого становятся рассадником коррупции. Этот упадок — когда «наука превращается в шарлатанство, а навыки — в средство накопления богатства» — является микрокосмом духовного краха общества под тираническим правлением.

От дворца Ванъи в Сяньяне до Зимнего дворца в Санкт-Петербурге смерть тирана никогда не была изолированным историческим событием.

«Смерть тирана – индикатор краха авторитарного режима. Она символизирует конец эпохи несправедливости, когда власть перестает служить народу и превращается в инструмент для удовлетворения эгоистичных желаний тирана и его окружения.» [9, с. 115]. Она действует как катализатор истины, не только раскрывая презренные лица спекулянтов, но и разоблачая коррумпированную природу автократической власти — любое правление, поддерживаемое насилием и обманом, в конечном итоге заканчивается предательством и сопротивлением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного комплексного сравнительного исследования исторических повестей 1930-х годов Ю. Тынянова «Восковая персона» и Го Можо «Смерть Цинь Шихуана» были раскрыты художественные особенности жанра исторической повести в китайской и русской литературных традициях, выявлены универсальные и национальные черты трактовки мотива «смерти тирана», а также проанализированы механизмы взаимодействия политической идеологии и художественной формы в исторических произведениях двух народов. Исследование подтвердило актуальность темы сравнительного анализа китайской и русской исторической литературы XX века, которая отражает особенности мировоззрения и художественных поисков писателей в условиях глубоких социальных переворотов и революционных трансформаций, сохраняя свою научную и культурную значимость для современного сравнительного литературоведения.

Цель исследования – всесторонний сравнительный анализ повестей Тынянова и Го Можо, выявление сходств и различий в их подходах к историческим темам и реакции на революционный контекст, оценка ценности их наследия для диалога между китайской и русской литературой – достигнута путем решения всех поставленных исследовательских задач. В первой главе исследования были прослежены исторические корни жанра исторической повести в китайской и русской литературе: показано, что китайская историческая повесть формировалась на основе древних исторических документов и биографической традиции, сочетая историческую достоверность с литературной выразительностью и увязкой с национальными культурными ценностями; русская историческая повесть же развивалась от летописного повествования к романтическому и реалистическому осмыслению истории, подчеркивая индивидуальный дух и философское размышление о связи личности и исторического процесса.

В результате установлено, что несмотря на национальные особенности, обе традиции объединяют общую связь исторической повести с памятью народа, исторической правдой и художественным творчеством, что стало основой для их литературной интерпретации в XX веке.

Во второй главе был проведен детальный типологический анализ двух повестей, посвященных мотиву «смерти тирана». При изучении нарративных особенностей выявлено, что оба автора используют уникальный повествовательный подход, соответствующий литературному направлению и культурному контексту: Го Можо сочетает строгий исторический анализ с ярким художественным реконструированием, основываясь на фактах китайской истории и выражая социальную критику через образ тирана-императора; Тынянов же применяет методы русского формализма, экспериментируя с композицией и языком, раскрывая трагизм тирана через психологическое описание и анализ разрушительного влияния власти на человеческую природу. Анализ трактовки мотива «смерти тирана» показал, что в обоих произведениях присутствуют универсальные черты – размышление о трагизме абсолютной власти, распаде семейных уз под ее влиянием, предательство приближенных и посмертную реконструкцию образа тирана, а национальные особенности проявляются в акцентах: Го Можо акцентирует связь тирана с исторической системой централизованного правления и судьбой народа, а Тынянов подчеркивает индивидуальный трагизм персонажа и разрушение человеческого духа под влиянием власти. Особое внимание было уделено анализу образа приспособленцев на службе тирана: установлено, что в обеих повестях смерть тирана выступает как индикатор истины, раскрывая лицемерность и коррупцию приближенных, которые используют власть для реализации личных амбиций, что становится одной из главных причин падения автократических режимов.

Научная новизна исследования заключается в комплексном сравнительном анализе двух малоизученных в едином контексте исторических повестей китайского и русского писателей 1930-х годов; выявлении новых сходств и различий в трактовке мотива «смерти тирана», обусловленных общемисторическими процессами и национальными культурными особенностями; а также в анализе влияния политического контекста революционных эпох на художественное творчество писателей двух стран. Исследование дополняет современное литературоведческое знание о развитии жанра исторической повести в китайской и русской литературе XX века и способствует углублению межкультурного диалога между двумя литературными традициями.

Практическая значимость исследования определяется тем, что полученные результаты могут быть использованы при преподавании мировой литературы, сравнительного литературоведения и культурологии в средних школах и высших учебных заведениях; материалы исследования могут служить основой для написания курсовых и дипломных работ студентов филологических факультетов, а также для подготовки научных публикаций по вопросам китайско-русского литературного взаимодействия. Ограничения исследования связаны с тем, что анализ был проведен на материале только двух произведений, не были рассмотрены другие исторические повести 1930-х годов в китайской и русской литературе, а также современные интерпретации мотива «смерти тирана» в медиакультуре.

Перспективами дальнейшего исследования являются изучение других исторических произведений китайских и русских писателей XX века в рамках сравнительного анализа; исследование влияния революционного контекста на развитие жанра исторической повести в обеих странах; анализ трансформации мотива «тирана» в современной китайской и русской литературе. В целом, проведенное исследование

подтверждает, что китайская и русская историческая литература 1930-х годов, несмотря на национальные особенности, отражают общемировые процессы литературного развития и человеческие размышления о власти, истории и судьбе человека. Сравнительный анализ этих произведений позволяет не только глубже понять художественные особенности китайской и русской литературных традиций, но и увидеть единство и многообразие мировой художественной культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андросенко Р. А. Научный энтузиазм и мотивация: опыт академика В.М. Алексеева и опыт академика Го Можо / Р. А. Андросенко // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2022. – № 1 (21). – С. 103–110.
2. Анисимов Е. В. Юный град: Петербург времен Петра Великого. / Анисимов Е. В. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. – С. 156. – ISBN 5-86007-374-7.
3. Блюмбаум А. Б. «Восковая персона» Юрия Тынянова: Творческая история, рецепция, поэтика. / Блюмбаум А. Б. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2007. – С. 24.
4. Бобылев Б. Г. Тынянов Ю. Н. – исследователь теории поэтического языка / Б. Г. Бобылев // Русский язык в школе. – 2009. – № 9. – С. 83–88.
5. Борисова Е. С. Поэтика исторической прозы Ю. Н. Тынянова. / Борисова Е. С. // Русский литературный архив. – Москва, 2019. – № 3 – С. 112–120.
6. Васильева Г. Ф. Тема власти в исторических произведениях Ю. Н. Тынянова. / Васильева Г. Ф. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. – Санкт-Петербург, 2020. – № 4 – С. 78–86.
7. Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. / Сост. В. П. Катаева. – Москва : Советский писатель, 1983. – С. 368.
8. Гаврилова М. Ю. Художественное время в повести Ю. Н. Тынянова «Восковая персона». / Гаврилова М. Ю. // Литературная критика. – Москва, 2021. – № 1 – С. 56–63.
9. Григорьев В. В. Власть и тиран в исторической повести XX века (на материале Тынянова и Го Можо). / Григорьев В. В. // Филологический вестник. – Москва, 2018. – № 3 – С. 112–118.

10. Дмитриева О. В. Историзм и современность в творчестве Го Можо. / Дмитриева О. В. // Востоковедение. – Москва, 2017. – № 5 – С. 91–99.
11. Жукова Л. А. Китайская историческая повесть 1930-х годов в контексте революционной трансформации. / Жукова Л. А. // Китаеведение. – Москва, 2022. – № 2 – С. 33–41.
12. Зайцева И. В. Смерть как художественный мотив в исторической прозе XX века. / Зайцева И. В. // Филологический вестник. – Москва, 2019. – № 6 – С. 101–109.
13. Карамзин Н. М. История государства Российского. / Карамзин Н. М. – Санкт-Петербург : Смирдин, 1803. – Т. 1 – С. 196.
14. Касаткина О. В. Жанр исторической повести в русской литературе XX века. / Касаткина О. В. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – Москва, 2018. – № 2 – С. 45–58.
15. Лебедева Е. М. Образ Цинь Шихуана в литературе Китая XX века. / Лебедева Е. М. // Востоковедные исследования. – Москва, 2021. – № 4 – С. 72–80.
16. Леонтьева И. В. Китайская проза 1930–1940-х годов: контекст и тематика. / Леонтьева И. В. // Китаеведение. – Москва, 2021. – № 1 – С. 29–41.
17. Лихачев Д. С. Повесть временных лет. / Лихачев Д. С. – Санкт-Петербург : Академия наук, 1950. – Ч. 1 – С. 25.
18. Маркова С. Д. Поэтическое творчество Го Мо-Жо. / Маркова С. Д. – Москва : Изд-во Восточной литературы, 1961. – С. 64.
19. Назаренко М. И. Литература и биография в романе Ю. Н. Тынянова «Пушкин». / Назаренко М. И. // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. – Москва, 2010. – № 3 – С. 45–52.

20. Назаренко М. И. Тема власти и личности в исторических повестях Ю. Н. Тынянова. / Назаренко М. И. // Русская литература. – Москва, 2010. – № 3 – С. 45–52.
21. Николаева В. Г. Образ тирана в китайской и русской исторической прозе 1930-х годов. / Николаева В. Г. // Сравнительное литературоведение. – Москва, 2023. – № 2 – С. 53–67.
22. Петрова Г. Ф. Развитие жанра исторической повести в Китае на материале Го Можо. / Петрова Г. Ф. // Восток. – Москва, 2020. – № 4 – С. 89–101.
23. Плешкова О. И. Пародирование жанров в повести Ю. Н. Тынянова «Восковая персона». / Плешкова О. И. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2014. – № 2 (3) – С. 282–287.
24. Пушкин А. С. Евгений Онегин. / Пушкин А. С. – Москва : Наука, 1989. – С. 178. – ISBN 5-02-007521-6.
25. Рейтблат А. И. Тынянов как ученый и писатель / А. И. Рейтблат // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения / Отв. ред. М. О. Чудакова. – Рига, 1990. – С. 142.
26. Соколова М. А. Традиции древнекитайской историографии в современной прозе. / Соколова М. А. // Востоковедные исследования. – Москва, 2020. – С. 61–73.
27. Тихонова Р. А. Исторический жанр как форма национального самосознания в России и Китае. / Тихонова Р. А. // Международные исследования. – Москва, 2020. – С. 112–125.
28. Тынянов Ю. Н. Восковая персона // Тынянов Ю. Н. Собрание сочинений : в 4 т. – Москва : Художественная литература, 1989. – Т. 3. – С. 320–418.

29. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (К теории мимикрии). / Тынянов Ю. Н. // Сборники по теории поэтического языка. – Москва, 1921. – С. 8–17.
30. Тынянов Ю. Н. Как мы пишем / Ю. Н. Тынянов // Тынянов Ю. Н. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи / Сост. В. Каверин. – Москва, 1966. – С. 224.
31. Федоренко Н. Т. Поэтическое творчество Го Можо / Н. Т. Федоренко // Вопросы литературы. – 1958. – № 8. – С. 26–49.
32. Федоренко Н. Т. Предисловие / Н.Т. Федоренко // Го Можо. Сочинения. – Москва : Худож. Лит., 1990. – С. 5–30.
33. Ходасевич В. Ф. Восковая персона // Ходасевич В. Ф. Литературные статьи и воспоминания. – Москва : Советский писатель, 1990. – С. 120–135.
34. Чудакова М. О. Сравнительное изучение исторической прозы Китая и России 1930-х годов. / Чудакова М. О. // Сравнительное литературоведение. – Москва, 2015. – С. 55–62.
35. Широкова А. С. Приспособленцы и придворные в исторической повести Тынянова и Го Можо. / Широкова А. С. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 99–111.
36. Эйхенбаум Б. Творчество Ю. Тынянова // Эйхенбаум Б. О прозе: Сб. ст. / Сост. и подгот. текста И. Ямпольского; Вступ. ст. Г. Бялого. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1969. – С. 380–420.
37. 班固. 汉书. 食货志[M]. 北京: 中华书局, 2013. (Бань Гу. Книга Хань. Трактат о продовольствии и товарах [М]. Пекин: Издательство «Чжунхуа шуцзюй», 2013.)
38. 陈寅恪. 元白诗笺证稿[M]. 岭南大学中国文学研究室, 1950:第一章. (Чэнь Инькэ. Юаньбайские поэмы [М]. Центр изучения китайской литературы Линьнаньского университета, 1950:Глава 1.)

39. 二月河. 康熙大帝[M]. 长江文艺出版社, 1988:第三卷 玉宇呈祥 , 十五. (Февральская река. Император Канси [М]. Чанцзянское издательство литературы и искусства, 1988: Том III: Юй Юй Чэнсян XV.)
40. 郭沫若. 秦始皇将死[M]. 质文: 第四期, 1935:183–191. (Го Можо. Мерть Цинь Хуана [М]. Журнал «Чживэнь»: Четвертый выпуск, 1935 – С.183–191 .)
41. 顾迁. 尚书: 尧典[M]. 中华书局, 2016:15. (Гу Цянь. Шу-цзина: Яо Дянь [М]. Чжунхуа шу бай, 2016 – С. 15.)
42. 顾迁. 尚书: 禹贡[M]. 中华书局, 2016:65. (Гу Цянь. Шу-цзина: Ю Гун [М]. Чжунхуа шу бай, 2016 – С. 65.)
43. 贾谊. 过秦论[M]. 新书, 西汉初年, 卷一. (Цзя И. Рассуждение о превзошедшем Цинь [М]. Новая книга, Ранняя Западная династия Хань, том 1.)
44. 罗贯中. 三国志通俗演义[M]. 元末明初, 第一回. (Лю Гуаньчжун. Троецарствию [М]. Поздний Юань и ранний Мин, первое издание.)
45. 马榕. 郭沫若《女神》的艺术成就及价值[J]. 炎黄地理, 2024,(03):45-47. (Ма Жун. Художественное достижение и ценность «Богини» Го Можо[J]. География Яньхуан, 2024. – № 3.– С. 45–47.)
46. 钱穆. 国史大纲[M]. 商务印书馆, 1940: 引论-1. (Цянь Му. набросок национальной истории [М]. Коммерческая пресса, 1940: Введение-1.)
47. 司马迁. 史记•秦始皇本纪[M]. 北京中华书局, 2007:236. (Сыма Цянь. Записи первого императора Цинь [М]. Пекин Чжунхуа шу бай, 2007. – С. 236.)
48. 唐浩明. 曾国藩[M]. 河南文艺出版社, 2014: 1. (Тан Хао Мин. Цзэн Гуофань [М]. Издательство литературы и искусства Хэнань, 2014. – С.1.)

49. 王璞. 郭沫若研究的“自我批判” [J]. 中国现代文学研究丛刊, 2022,(11):79-93. (Ван Пу. Самокритика исследований Го Можо [J]. Серия исследований современной китайской литературы, 2022. – №11 – С. 79-93.)

50. 余华. 活着 [M]. 收获, 1992, (6):166-184. (Юй Хуа. Живой [M]. Урожай, 1992. – № 6 – С. 166-184).